

Н. Бердяев

ЭРОС
и МОРАЛЬ

Николай Александрович Бердяев

Эрос и мораль

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5005521*

Эрос и мораль: Фолио; Харьков; 2009

ISBN 978-966-03-4352-8

Аннотация

«Вопрос о поле и любви... – прохлятый, мировой вопрос», – писал Н.Бердяев, пытаясь вслед за Соловьевым и Розановым преодолеть заговор молчания на эту тему. Выдающийся мыслитель, философ, публицист создал оригинальную теорию эроса, провозгласив со всей откровенностью: «Нельзя отказаться от любви... во имя долга, закона, во имя мнения общества и его норм».

Содержание

Метафизика пола и любви[1]	4
I	4
II	15
III	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

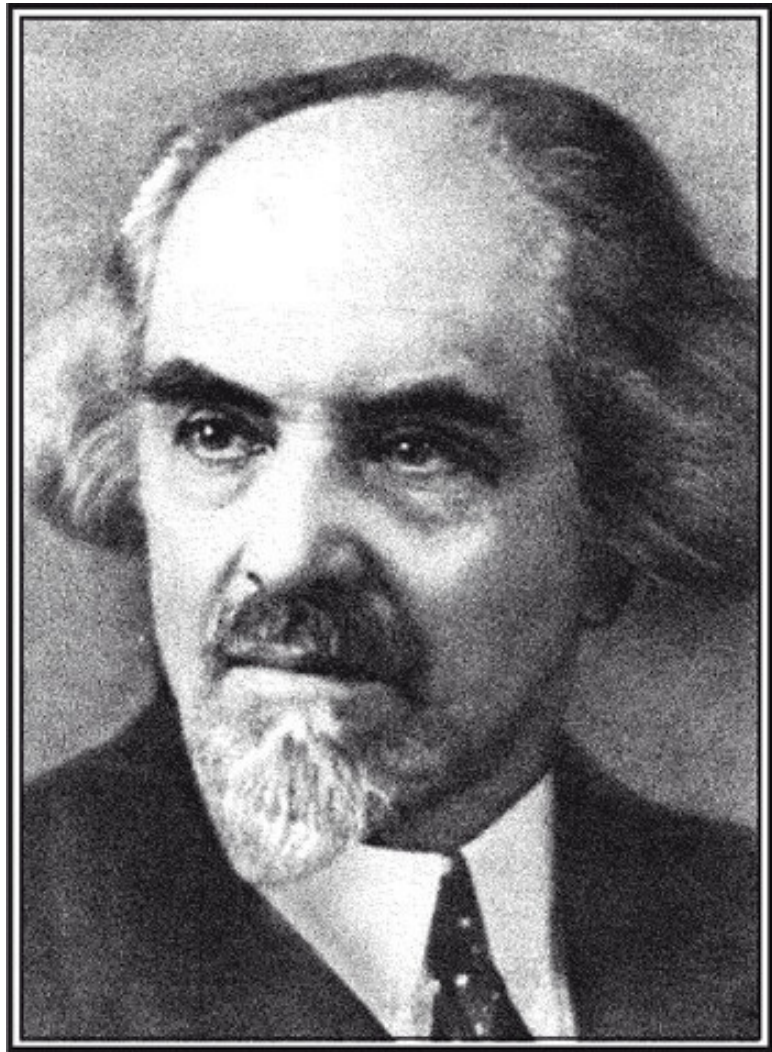
Николай Бердяев

Эрос и мораль

Метафизика пола и любви¹

I

¹ Глава из книги, представляющей «опыт религиозной философии общественности».

Вопрос о поле и любви имеет центральное значение для всего нашего религиозно-философского и религиозно-общественного мирозерцания. Главный недостаток всех социальных теорий – это стыдливость, а часто лицемерное игнорирование источника жизни, виновника всей человеческой истории – половой любви. С полом и любовью связана тайна разрыва в мире и тайна всякого соединения; с полом и любовью связана также тайна индивидуальности и бессмертия. Это мучительнейший вопрос для каждого существа, для всех людей он так же безмерно важен, как и вопрос о поддержании жизни и смерти. Это – проклятый, мировой вопрос, и каждый пытается в уединении, тщательно скрываясь, таясь и стыдясь, точно позора, преодолеть трагедию пола и любви, победить половое разъединение мира, эту основу всякого разъединения, последний из людей пытается любить, хотя бы по-звериному. И поразителен заговор молчания об этом вопросе, о нем так мало пишут, так мало говорят, так мало обнаруживают свои переживания в этой области, скрывают то, что должно было бы получить решение общее и мировое. Это интимный вопрос, самый интимный из всех. Но откуда стало известно, что интимное не имеет всемирного значения, не должно всплывать на поверхность истории, должно таиться где-то в подполье? Отвратительная ложь культуры, ныне ставшая нестерпимой: о самом важном, глубоко нас затрагивающем, приказано молчать, обо всем слишком интимном не принято говорить; раскрыть свою душу, обнару-

жить в ней то, чем живет она, считается неприличным, почти скандальным. И в повседневной жизни с людьми, и в общественной деятельности, и в литературе приказывают говорить лишь о так называемом общеобязательном, общепольном, узаконенном для всех, приятном. Нарушение этих правил теперь называют декадентством, раньше называли романтизмом. Но все истинно великое, гениальное, святое в жизни человечества было создано интимностью и искренностью, победившей условность, мистическим обнажением самой глубины души. Ведь в интимной глубине души всегда лежит что-то вселенское, более вселенское, чем на общепринятой поверхности. Всякое новое религиозное учение и новое пророчество было сначала интимно, рождалось в интимной глубине, в мистической стихии, а потом обнаружилось и завоевывало мир. Что могло быть интимнее религии Христа, как неприлично и не общеобязательно было для языческого мира все, что говорил Христос, за Ним следовала небольшая кучка людей, но религия эта сделалась центром мировой истории. Правда, и до сих пор считается не общеобязательным, слишком интимным то, о чем говорил Христос, и до сих пор считается неприятным и неприличным вспоминать Христа и слова Его, когда речь о жизненных, практических вопросах. Все творчество культуры есть лишь объективация, мировое обобщение субъективно-интимного, совершавшегося в скрытой, таинственной глубине. Вопросу о поле и любви как-то особенно не повезло, он был загнан

в подполье, и только художественная литература отражала то, что накоплялось в человеческой душе, обнаруживала интимный опыт. Видно, были глубокие причины, по которым вопрос этот не мог еще получить универсального решения. Но современный религиозный кризис требует решения этого вопроса; религиозный вопрос ныне тесно связан с проблемой пола и любви. Вокруг пола и любви накопился мистический опыт, который все еще остается хаотическим и нуждается в религиозном освящении. Люди нового мистического опыта и нового религиозного сознания требуют, чтобы самое интимное было отныне вытеснено на вселенский исторический путь, обнаружено в нем и определило его.

Над Розановым смеются или возмущаются им с моральной точки зрения, но заслуги этого человека огромны и будут оценены лишь впоследствии. Он первый с невиданной смелостью нарушил условное, лживое молчание, громко, с неподражаемым талантом сказал то, что все люди ощущали, но таили в себе, обнаружил всеобщую муку. Говорят, Розанов – половой психиатр, эротоман. Вопрос скорее медицинский, чем литературный, и я считаю недостойным самый разговор на эту тему, но главное в том, что все ведь люди, все люди без исключения, в известном смысле половые психопаты и эротоманы. Какой-нибудь литературный моралист поносит Розанова за то, что тот так открыто пишет о поле, так много говорит о половом вопросе. Но очень возможно, что этот моралист в литературе, в жизни сам помешан на

поле, что половой вопрос и для него самый мучительный и основной, что он во много раз более эротоман, чем Розанов, но считает неприличным, неприятным это обнаружить, предпочитает писать о всеобщем избирательном праве, хотя вопрос этот, столь общественный, для него внутренне не интересен, в тысячу раз менее важен, чем вопрос о поле. Это я и называю лицемерием, условной литературной ложью, над которой Розанов мужественно сумел подняться. Розанов с гениальной откровенностью и искренностью заявил во всеуслышанье, что половой вопрос – самый важный в жизни, основной жизненный вопрос, не менее важный, чем так называемый вопрос социальный, правовой, образовательный и другие общепризнанные, получившие санкцию вопросы, что вопрос этот лежит гораздо глубже форм семьи и в корне своем связан с религией, что все религии вокруг пола образовывались и развивались, так как половой вопрос есть вопрос о жизни и смерти. Все люди, я утверждаю, что все без исключения люди в глубине своего существа ощущают то, что Розанов сказал громко, все согласны с Розановым по постановке вопроса (я не говорю о его окончательном решении) и все считают своим долгом лицемерно бросить в него камень. Только тупой или безумный человек может отрицать центральную, религиозную важность проблемы пола; ведь каждый тайно мучился этой проблемой, бился над ее решением для себя, страдал этой мукой полового томления, мечтал о любви, каждый знает ту признанную истину, что все по-

чти трагедии в жизни связаны с полом и любовью. Всем известно, что с полом связана вся наша жизненность, что половое возбуждение носит характер экстатический и творческий. Чем же так смешно или безнравственно «помешательство» Розанова на поле? Правда, ему недостает чувства эстетической меры, но большая часть наших журнальных и газетных обличителей совсем не специалисты по эстетической мере, иначе человечеству грозит гибель от подпольных тайн пола, от внутренней анархии пола, прикрытой внешним над ним насилием. Само появление Розанова – серьезное предостережение. Хаотический пол много бедствий причинил человечеству и готовит бедствия еще большие. Человечество должно наконец сознательно и серьезно отнестись к своему полу, к источнику своей жизни, прекратить грязные подмигивания, когда речь заходит о поле.

Христианство не преобразило пола, не одухотворило половой плоти, наоборот, оно окончательно сделало пол хаотическим, отравило его. Демонизм пола есть только обратная сторона христианского проклятия пола. Могущественная половая любовь была загнана внутрь, так как ей отказали в благословении, превратилась в болезненное томление, не покидающее нас и до сих пор. Аскетическое христианское учение допускает половую любовь лишь как слабость греховной человеческой природы. Так и осталась половая любовь слабостью, стыдом, почти грязью. Трагическая христианская вера уже умерла в человеческих сердцах, перестала

определять ход европейской культуры, а христианские суеверия относительно пола живут еще, отравляют еще кровь нашу нестерпимым дуализмом. Мы почти примирились с тем, что пол греховен, что радость половой любви – нечистая радость, что сладострастие – грязно, и мы спокойно продолжаем грешить, предаваться нечистым радостям и грязному сладострастью, так как нам-де, слабым людям, все равно не достигнуть идеала. Мы стыдимся половой любви, прячемся с ней, не признаемся в своих переживаниях. Поразительно, что антихристианское и антирелигиозное сознание нашего времени близко в иных отношениях, в раздвоенности своей, в ложной аскетичности, к средневековому христианству, хотя бесконечно далеко от Христа и лишено средневекового трагизма. Люди нашего времени не верят в радость небесную и даже не тоскуют по небу, но радость земная, радость половой любви остается у них без благословения. Пол для людей нашего времени так же демоничен, как для людей Средневековья. Возьмем для примера хотя бы Пшибышевского, отравленного демонизмом пола, проклятием пола. Да и вся почти новая литература пишет о том, как демоничен пол, как не может с ним справиться современный человек. Поистине, трагедия пола есть самое страшное в жизни, и половая любовь не может быть оставлена на произвол судьбы; она нуждается в религиозном освящении и религиозной организации. Слова Христа о поле и любви остались не поняты, не вменены, и пол выпал из господствующего христианского

сознания, сделался достоянием эзотерических учений. Господствующее религиозное сознание поставило проблему пола в зависимость от вульгарного дуализма духа и плоти, связало ее с греховностью плоти, и это была не только моральная, но и метафизическая ошибка. Ведь плоть столь же метафизична и трансцендентна, как и дух, и плотская половая любовь имеет трансцендентно-метафизические корни². Так называемая христианская семья есть лицемерная ложь, языческий компромисс, подобный христианскому государству. Хаос пола так же бушует под покровом семьи, как он бушевал в крови средневековых отшельников.

Весь Розанов есть реакция на христианскую отраву пола, восстановление первоначальной святости пола. Вне христианства, вне неустанной борьбы с христианским аскетизмом Розанов не мыслит, не имеет *raison d'être*. С полом связана для Розанова жизнь; христианство, враждебное полу, для него – синоним религии смерти и потому ненавистно. Розанов хочет вернуться к тому религиозному состоянию, которое было до явления Христа в мире, к древнеязыческим религиям, к религии рождения, к религии Вавилона по преимуществу. Но он забывает, что не христианство выдумало трагедию пола и трагедию смерти, что явление Христа потому и было неизбежно, что в основе мировой истории лежала эта трагедия, что античный мир с великой своей куль-

² См. мою статью «О новом религиозном сознании» из сборника «*Sub specie aeternitatis*».

турой погиб так трагически, так постыдно вырожден. Положительное учение Розанова зачеркивает христианский период истории как злое недоразумение и бессмыслицу и зовет назад, к первобытному обоготворению рода. Розанов все еще смешивает пол с родом, видит лишь пол рождающий, не понимает глубокого внутреннего антагонизма между утверждением пола и рождением, не замечает двух стихий в поле – стихии личной и стихии родовой. Вот почему у Розанова нельзя найти творческого решения проблемы пола.

В истории мировой философии я знаю только два великих учения о поле и любви: учение Платона и Вл. Соловьева. «Пир» Платона и «Смысл любви» Вл. Соловьева – это самое глубокое, самое проникновенное из всего, что писалось людьми на эту тему. Платон жил до явления Христа в мир, но постиг же трагедию индивидуальности, ощутил уже тоску по трансцендентному и прозрел соединяющую силу божественного Эроса, посредника между миром здешним и миром потусторонним. По учению Платона, облеченному в мифологическую форму, пол есть результат разрыва в первоначальной, единой и могучей человеческой природе, распада индивидиуальности на две половины, любовь есть томительное желание воссоединения в целую индивидуальность. Платон постиг с гениальной, божественной мощью различие между Афродитой небесной и Афродитой простонародной, любовью божественной, личной, ведущей к индивидуальному бессмертию, и любовью вульгарной, безлично-родовой,

природной. В Афродите небесной Платона уже чувствуется дыхание христианского Эроса, таинственного и по сию пору, средневекового романтизма и глубочайшего, возможного лишь после Христа учения Вл. Соловьева о любви как о пути к индивидуальному бессмертию. Вл. Соловьев устанавливает противоположность между индивидуальностью и родом. Любовь родовая, рождающая, дробящая индивидуальность, есть для него Афродита вульгарная, подчинение природной необходимости. Истинная любовь всегда лична, завоевывает вечность, индивидуальное бессмертие, она не дробит индивидуальности в рождении, а ведет к полноте совершенства индивидуальности. Во всем вероучении Вл. Соловьева центральное место занимает культ вечной женственности, любви к Богу в конкретной форме любви к Прекрасной Даме. Отвергая род и рождение, Вл. Соловьев принадлежит новому религиозному сознанию, подходит к новому религиозному учению о любви, но не доходит до конца.

Он наш прямой предшественник.

II

В мире борются два враждебных метафизических начала – *личное* и *родовое*. И проблема пола и любви должна быть поставлена в связь с борьбой этих двух начал, ныне обострившейся и обнажившейся. Трудность всех вопросов, связанных с половой любовью, в том и заключается, что в мировой истории половой любви тесно переплетаются два противоборствующих начала – любовь личная и любовь родовая, сила сверхприродная, божественная и сила природная, эмпирическая связанность. Слишком часто смешивают пол с родом, любовь с родовым инстинктом. Но в роде и родовом инстинкте нет ведь ничего личного, индивидуального, ничего даже человеческого, это природная стихия, одинаковая у всех людей и общая у мира человеческого с миром животным. Любви, как индивидуального избрания, как своеобразного влечения полов, отличающего не только человека от животных, но и каждого человека от других людей, божественного Эроса нет и быть не может в стихии рода. Так называемая родовая любовь и родовое утверждение пола потому унижают человека, что отдают лицо человеческое во власть безличной природной стихии, личность находится тут в обладании разрушающей ее естественной необходимости. Биология устанавливает обратную пропорциональность между рождаемостью и индивидуальностью. Если органиче-

ские силы идут на продолжение рода, то они естественно убывают для создания совершенной индивидуальности. Эта биологическая истина имеет и более глубокую метафизическую основу. Есть дилемма: или создание совершенной, вечной индивидуальности, или дробление индивидуальности и создание многих несовершенных и смертных индивидуальностей. Человек не в силах стать личностью, индивидуальностью, достигнув совершенства и вечности, и потому как бы передает потомству своему дальнейшее совершенствование, в рождении заглушает муку неосуществленной индивидуальности, непреодоленного разрыва, недостигнутой вечности. Родовая половая любовь дробит индивидуальность, стремится к бессмертию рода, к созданию многих несовершенных существ, а не одного совершенного существа, к плохой бесконечности³, к вечному возвращению. Истинная любовь, преодолевающая пол, должна направить всю человеческую энергию вглубь и в глубь вечности, а не вовне и вперед во времени. С родовым полом был связан этот ложный культ будущего, эта лжепрогрессивность.

Рождение и смерть – одной природы, имеют один источник. Уже Гераклит учил, что Гадес и Дионис – один и тот же бог. И рождение и смерть одинаково продукты мирового распада, дети времени, царства временности в мире. Бытие, отпавшее от своего источника и смысла, делается прежде всего временным, вытягивается в хронологический ряд, в котором

³ Выражение Гегеля.

вечная смена рождения и смерти, плохая бесконечность.

Ни одно существо испорченного мира не вечно, все части мира, все состояния мира временны, тленны. Когда сказано было рожать в муках, то этим было сказано и умирать; плодить в мире несовершенство и смерть по закону природной необходимости. Рождение есть уже начало смерти; истина эта подтверждается опытом всей природы и слишком очевидна. Рождение по самому существу своему есть дробление индивидуальности, распадение ее на части, есть знак того, что индивидуальность не может достигнуть совершенства и вечности и как бы предлагает своей части продолжить за нее дело совершенствования, как бы заменяет достижение единого успеха в вечности множественными успехами во времени. Родовое начало и любовь для продолжения рода – продукты смертности и испорченности природы и вместе с тем укрепление и узаконение смертности, торжество закона тления. Родовая половая любовь есть кажущееся, иллюзорное преодоление разрыва полов; единая и полная, совершенная и вечная индивидуальность в ней не достигается. Половое томление в стихии рода делается игрушкой безличной, природной силы, никогда этого томления не разрешающей, а бесконечно продолжающей во времени, в новых и новых формах. Между полом и любовью и родом и рождением существует коренная, не эмпирическая только, а метафизическая противоположность. Утверждать пол в любви – значит утверждать полноту и совершенство индивидуально-

сти, завоевывать вечность, хорошую бесконечность; утверждать стихию рода в родовом инстинкте – значит дробить индивидуальность, завоевывать несовершенное и смертное во времени, плохую бесконечность. Томление пола и тайна любви – в жажде преодолеть трагический разрыв полов, мистическим слиянием достигнуть вечной, совершенной индивидуальности. Совершенная индивидуальность не рождает и не умирает, не создает никаких последующих миггов. Когда говорят: «остановись, мгновение, ты прекрасно!», то этим хотят сказать, что прекрасное в своем совершенстве не должно рождать чего-нибудь иного, должно остаться навеки таковым, что только недостаточно прекрасное и совершенное мгновение должно замениться другим. Совершенный мир не должен продолжаться в чем-либо ином, не должен ничего рождать, он остается для вечности, остается самим в себе. Все совершенное и безмерно-прекрасное есть достояние вечности, не дробится, не продолжается в рождении из себя несовершенных частей. Родовая половая любовь и есть, применяя терминологию Платона, Афродита вульгарная, простонародная, земная Афродита. И увы! – огромной части человечества знакома только вульгарная Афродита, так как находятся люди во власти рода, природной необходимости, естественного рабства, и сама мечта об Афродите небесной иным кажется почти безнравственной, противоестественной, безумно-романтической. Организовать добропорядочную, половую любовь, хорошо продолжить род че-

ловеческий – вот предел желания самых радикальных людей. Люди очень консервативны в вопросе о поле и любви; традиции, старые чувства и инстинкты правят ими, и корень этого консерватизма во власти рода. Позитивисты не знают иной любви, кроме родовой, только пол рождающийся понимают, только об изменении форм семьи заботятся. Теория любви Шопенгауэра, очень близкая к теории Дарвина, есть только выражение консервативной власти рода, играющего людьми, зло иронизирующего над индивидуальностью.

Пол – это то, что должно быть преодолено, пол – это разрыв. Пока остается этот разрыв – нет индивидуальности, нет цельного человека. Но преодоление пола есть утверждение пола, а не отрицание, есть творческое соединение полов, а не отворачивание от полового томления. Нужно утвердить пол до окончательного его преодоления, до исчезновения полов, до соединения в единый дух, в единую плоть. Это, конечно, нельзя понимать так, что каждая монада, мужская и женская, перестает существовать самостоятельно; ей присуще самостоятельное бытие, и она достигает в слиянии полноты. Пол имеет природу духовную и плотскую, в нем скрывается метафизика духа и метафизика плоти. Пол – не физиологической и не эмпирической природы, в нем скрыты мистические глубины. Ведь мистическую диалектику пола усматривают даже в самой природе Божества. Весь мировой процесс коренится в поле; потому мир сотворился и продолжается, что в основе его лежит пол, что мистическая стихия ми-

ра расцеплена, разорвана, полярна. Метафизическая, духовно-плотская полярность напоила мир половым томлением, жаждой соединения. Полярность эта сказывается и в учении о вечной женственности, женственности мировой души, учении, столь близком христианской мистике, почувствованном уже Соломоном в «Песни песней», основанном в символике Апокалипсиса⁴.

Очень характерен чувственно-эротический культ Девы Марии у средневековых мужчин и такой же культ Христа у средневековых женщин. Окончательное преодоление пола, соединение полов есть не только слияние противоположных человеческих половин, но также и слияние с вечной женственностью и с Божеством. Эрос – есть путь к индивидуальности и путь к вселенскости. Но какой Эрос?

⁴ У Вл. Соловьева очень интересна религиозно-философская концепция мировой души как вечной женственности. Против Соловьева можно было бы возразить, что это слишком мужская философия и религия. Для женщин эротическое отношение к Божеству должно окрашиваться в цвет культа вечной мужественности. Не обращается ли Божество разными своими сторонами к разным человеческим полам? В «Смысле любви» он говорит: «Абсолютная норма есть восстановление целостности человеческого существа, и нарушается ли эта норма в ту или другую сторону, в результате во всяком случае происходит явление ненормальное, противоестественное. Мнимо-духовная любовь есть явление не только ненормальное, но и совершенно бесцельное, ибо отделение духовного от чувственного, к которому она стремится, и без того наилучшим образом совершается смертью. Истинная же духовная любовь не есть слабое подражание и предварение смерти, а торжество над смертью, не отделение бессмертного от смертного, вечного от временного, а превращение смертного в бессмертное, восприятия временного в вечное. Ложная духовность есть перерождение, спасение, воскресение».

Любовь родовая не есть соединяющее утверждение пола, она продолжает лишь дробление. Только личная половая любовь стремится к преодолению разрыва, к утверждению индивидуальности, к вечности, к бессмертию. Это – Афродита небесная. Только личная, внедродовая любовь, любовь избрания душ, мистическая влюбленность и есть любовь, есть подлинный Эрос, божественная Афродита. *Личная* любовь, Афродита небесная – сверхприродна, объявляет войну смерти и необходимости, она враждебна роду, дроблению индивидуальности, не рождает в своем совершенстве, жаждет индивидуального слияния и вечности, с ней связана тайна индивидуальности и бессмертия. Вл. Соловьев учит, что мистическая влюбленность в высшем своем подъеме не будет вести к рождению, к дроблению, а приведет к бессмертию индивидуальности, она провидит тут биологическое преобразование, изменение «роковых» физиологических законов. По Соловьеву, только любовь нуждается в бессмертии, любовь есть высшее содержание жизни, окончательная полнота бытия, действительность индивидуальности. Но Афродита небесная, личная, противоположная роду любовь, не отвлеченно духовная и бесплотная, она воплощена, полнокровна, конкретно-чувственна в такой же степени, как и духовна. Это признавал и Вл. Соловьев.

Но любовь по природе своей трагична, жажда ее эмпирически неутолима, она всегда выводит человека из данного мира на грань бесконечности, обнаруживает существование

иных миров. Трагична любовь потому, что дробится в эмпирическом мире объектов любви, и сама любовь дробится на оторванные, временные состояния. Есть болезнь, которая носит название фетишизма в любви. Об этом явлении говорит и Соловьев в своей статье «Смысл любви». Болезнь эта состоит в том, что предметом любви делается не цельный человек, не живая, органическая личность, а часть человека, дробь личности; например, волосы, руки, ноги, глаза, губы вызывают безумную влюбленность, отдельная, отвлеченная от сущности часть превращается в фетиш. При фетишизме ощущение личности любимого теряется, индивидуальности человека не видно. Этой болезнью фетишизма в любви больны в большей или меньшей степени все почти люди нашего времени. Любовь, в которой объект любви дробится и сама она распадается на преходящие миги, всегда есть фетишизм в любви, болезнь нашего духа и нашей плоти. Любовь исключительно плоская, физиологическая, столь распространенная в нашем мире есть фетишизм, так как в ней нет ощущения полной личности, всецелой индивидуальности. Любовь к отдельным сторонам духа и плоти, к оторванным частям, к прекрасным глазам и чувственным губам, к духовному аромату отдельных черт характера или обаянию ума — тоже фетишизм, тоже потеря ощущения личности. Единый объект любви, органический идеал, родная душа, мистически предназначенная полярная половина эмпирически раздробляется: в массе женщин для мужчин, в массе мужчин

для женщин видятся разорванные черты органического объекта – там глаза, здесь руки, там душа, здесь ум и т. д. и т. д. Ведь нужно открыто заявить, что мужчины в известной мере влюблены в слишком многих женщин, женщины – в слишком многих мужчин, все почти во всех почти в известном смысле влюблены, неутолимая жажда мучить людей и любовное томление не имеют предела. В этом нет ничего морально предосудительного, но страшная трагедия скрыта в этой болезни любовного фетишизма, в этом дроблении любви и ее объекта. У каждой души есть своя предназначенная в мире, единственная родная душа, дополнение к цельной индивидуальности, а в здешней жизни душа человека растрчивает свою божественную силу Эроса по миллиону поводов, на неуловимые дробные части ее направляет, практикует фетишизм. Дон-жуанство и есть потеря личности в любви, сила любви без смысла любви. Ведь смысл любви (не родовой любви) в мистическом ощущении личности, в таинственном слиянии с другим, как своей родной полярной и вместе с тем тождественной индивидуальностью. Любовь решает то, что немцы называют Du-Frage, проблему перехода одного существа к другому и всему миру, выхода из своей ограниченности и оторванности. Этот великий смысл любви разрушается любовным фетишизмом, дроблением, потерей ощущения своей личности и ощущения другой личности. Преодоление фетишизма есть путь к индивидуальному бессмертию, к реально-мистическому ощущению и утвер-

ждению личности. Трагически страшна эта уединенность человека от человека, эта пустая бездна между любящими и близкими, это «мы с тобой так странно близки и каждый из нас одинок». Современная литература (с особенной силой – Мопассан) изображает это безумное одиночество человека, этот солипсизм, разрыв с «ты», с реальностями мира. Только сила Эроса может вывести из этого одиночества, но Эроса не дробимого, ощущающего всецелость личности, божественная сила индивидуально-мистической любви. Нужно найти и полюбить свое другое «я», живую, цельную личность, и тогда оторванность от всякой реальности мира уже прекращается. Полюбить нужно не для образования родовой семьи, всегда эгоистически замкнутой, миру противоположной, личность поглощающей, а для мистически-любовного слияния всех существ мира, всех вещей мира.

III

Христос осудил род и родовую любовь, семью и родовой строй жизни, осудил Афродиту простонародную, безличную, природную. Люди не должны соединяться природной необходимостью, связью безлично-родовой, ибо тот брат, и сестра, и мать, кто исполняет волю Отца Небесного. Не в лоне безличной, бессмысленной и насильственной природы должно произойти любовное слияние людей, а в лоне Отца Небесного, где все осмысленно, и индивидуально, и свободно. Христос учил, что дети Божьи должны соединяться не по образу звериной природы, в которой всякое лицо человеческое исчезает, а по образу природы Божьей, в которой лицо и свобода утверждаются. Христос учил о божественном Эросе, об Афродите небесной, которую почувствовал уже Платон, но учение Христа о любви осталось таинственным и непонятным, не «вместилось». Что значат эти странные слова «могущие вместить да вместят»? Слишком известно, как слова эти были истолкованы ограниченным сознанием исторического христианства. Подумали, что Христос говорил об аскетизме, об отрицании пола и любви, о воздержании, проповедывал скопчество. Этот аскетический подвиг не считали уделом всех людей, не все могли «вместить», а лишь избранные, посвящающие свою жизнь Богу. На почве этого толкования выросли черные цветы средневекового монаше-

ства и вся эта мучительная борьба с искушениями Афродиты. Но это толкование слов Христа вытекало из одностороннего характера, который получало христианство в истории, в нем сказалась мистическая вражда к плоти и земле. Христианский аскетизм был антитезисом в мистической диалектике бытия и потому не мог вместить учения о творческой роли Эроса в преображении земли и мировой плоти, о все-ленском соединении людей новой любовью. Миссия христианского аскетизма была чисто отрицательная, сознание греховности рода, природы и униженности природно-родовых инстинктов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.